УДК: 316.343.65

DOI: 10.17223/1998863X/42/5

А.В. Слободская

ПРЕКАРИАТ И КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАТТЕРНОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Проводится сравнение моделей социальных структур, предложенных Г. Стэндингом и Р. Флоридой. Определяется, что переход к новому этапу общественного развития приводит к формированию новой социальной группы. Обосновывается необходимость ее рассмотрения с позиции синтеза теории креативного класса Р. Флориды и теории прекариата Г. Стэндинга.

Ключевые слова: социальная структура, прекариат, креативный класс, креативный прекариат, постиндустриальное общество.

Научное осмысление происходящих трансформаций социальной реальности, непосредственно связанных со становлением постиндустриального общества, привело к появлению новых теорий классов, среди которых особое место занимают теория креативного класса Р. Флориды и теория прекариата Г. Стэндинга. Обе эти теории основаны на масштабных эмпирических исследованиях происходящих социальных изменений, однако их авторы выделяют различный характер их влияния на социальную структуру. Таким образом, выявляется необходимость определения методологического и теоретического потенциала теорий прекариата и креативного класса для адекватного осмысления социальной реальности.

В одноименной работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», опубликованной в 2002 г., Р. Флорида предложил модель социальной структуры, в которой наряду с рабочим и обслуживающими классами появляется новое классовое образование. Это креативный класс, представители которого доминируют по уровню доходов и объему власти. Он включает в себя индивидов, обладающих креативностью (способностью к созданию новых форм) и профессиональной принадлежностью к креативным сферам деятельности [1. С. 22]. Г. Стэндинг в исследовании 2011 г. «Прекариат: новый опасный класс» также отмечает формирование нового классового образования – прекариата. Он включает в себя индивидов, обладающих низким уровнем дохода, не имеющих постоянной занятости, вследствие этого социальных гарантий и надежной профессиональной идентичности [2. С. 23]. Представители прекариата, в отличие от представителей креативного класса, находятся фактически в самом низу социальной структуры. Всего Г. Стэндинг выделяет 7 классов: элита (наиболее малочисленный, но при этом наиболее влиятельный и богатый класс); салиариат (его представители имеют полную стабильную трудовую занятость, социальные гарантии и льготы, а также обладают властью, т.е. могут влиять на принятие решений в компании); профессионалы (работающие по контракту консультанты и независимые специалисты с высоким уровнем дохода); рабочий класс, прекариат и андеркласс. Таким обра-

зом, прекариат и креативный класс располагаются на разных уровнях социальной структуры. А с учетом того, что Г. Стэндинг и Р. Флорида выделяют общие причины формирования описываемых ими моделей социальных структур, возникает вопрос относительно возможности появления сразу двух новых классов в контексте перехода к постиндустриальному этапу общественного развития. Происходит переориентация с производства товаров на производство услуг, что в совокупности с процессами автоматизации актуализирует спад потребности в работниках физического труда (как квалифицированных, так и неквалифицированных), снижение влияния пролетариата и сокращение его удельного веса. Этот процесс сопровождается ростом числа занятых в двух противоположных сегментах сферы услуг: профессиональном, включение в который обусловлено наличием определенного уровня квалификации и образования, а также обслуживающем, предполагающем выполнение низкоквалифицированного и рутинного труда [3. С. 203].

Согласно Р. Флориде эти трансформации в совокупности со становлением креативной экономики привели к появлению креативного класса, уменьшению рабочего и увеличению численности обслуживающего класса. Г. Стэндинг также отмечает, что часть прекариата формируется благодаря размыванию пролетариата, а значительное количество его представителей заняты в нижнем сегменте сферы услуг. Можно было бы заключить, что прекариат полностью соответствует обслуживающему классу. Но прекариат включает в себя три большие социальные группы: бывших представителей рабочего класса, мигрантов и молодых людей с высшим образованием [4. С. 29]. Авторы выделяют разные причины, по которым представители последней группы, обладая одним из самых значимых ресурсов, занимают низшее положение в социальной структуре. Согласно Г. Стэндингу происходит коммодификация высшего образования (превращение образования в товар), усиление нисходящей социальной мобильности в совокупности с увеличением низкооплачиваемых и низкоквалифицированных рабочих мест (большинство из которых займут вчерашние выпускники университетов). Это является результатом интенсификации процессов прекариатизации и увеличения численности класса прекариата. Р. Флорида, напротив, отмечает интенсификацию процессов восходящей социальной мобильности. Он невероятно высоко оценивает трансформирующий общество потенциал креативной экономики, в которой креативность становится главной ее движущей силой и главным ресурсом. Согласно принципу экономической необходимости это приведет к увеличению численности креативного класса и росту числа высокооплачиваемых рабочих мест в креативных сферах. Соответственно, те студенты и мигранты, которые не переходят из обслуживающего класса в креативный, а остаются в нем навсегда [1. С. 89], сами виноваты в своем положении, поскольку не пользуются предоставляемыми им возможностями. Разница между креативным, рабочим и обслуживающим классами заключается в том, как индивиды распоряжаются данными им жизненными шансами и возможностями [5. С. 66]. В этой ситуации тенденции к интенсификации нестабильности занятости не являются проблемой, поскольку каждый может обеспечить себе занятость благодаря эффективности работы и своим способностям.

Однако главное противоречие между теориями, препятствующее простому наложению одной модели социальной структуры на другую, заключа-

ется в том, что авторы выделяют разные классообразующие критерии. В соответствии с основаниями межпрофессиональной стратификации, по которым положение профессиональной группы определяется ее значимостью для функционирования общества, работники креативного труда начинают занимать доминирующее положение в социальной структуре. Таким образом, Р. Флорида в качестве главного классообразующего критерия выделяет профессиональную принадлежность, в то время как все остальные характеристики креативного класса являются ее производными. Не только разделение на классы, но и сегментация внутри самого креативного класса базируется на профессии. В нем выделяются две большие группы: суперкреативное ядро, профессиональная деятельность представителей которого носит творческий характер (ученые, инженеры, архитекторы, педагоги, воспитатели, программисты и работники сферы искусства), и креативные специалисты, участвующие в творческом решении проблем (врачи, технические специалисты, работники сферы финансов, бизнеса и права) [1. С. 86]. Р. Флорида продолжает традицию рассмотрения классов как профессиональных групп, соответственно, его теория обладает теми же недостатками, что и теории предшественников. Как отмечает К. Nealy в своей критике концепции креативного класса, далеко не все креативные специалисты, выделяемые Р. Флоридой, являются высокооплачиваемыми, более того, не всегда их работа является творческой [6. С. 99].

Таким образом, не учитывается внутрипрофессиональная стратификация, тенденция расслоения внутри самих профессий, когда индивиды, представители одной и той же специальности, имеют разную зарплату и занимают разное социальное положение. Именно поэтому выявляется противоречие между главной и второстепенными характеристиками креативного класса, профессиональной принадлежностью и уровнем доходов. Например, в рамках российских реалий профессии в сфере образования и воспитания (суперкреативное ядро) не отличаются высоким уровнем заработка [7. С. 13]. Р. Флорида пытается преодолеть это противоречие, предоставляя расширенную модель классовой структуры общества, в которой работников здравоохранения относит сразу к двум классам: врачей к креативным профессионалам, а младший медицинский персонал к обслуживающему классу. Однако такое разделение основано скорее не на принципе внутрипрофессиональной стратификации, а на стратификации по уровню образования.

Одна из причин, по которой Р. Флорида не учитывает феномен внутрипрофессиональной сегментации, заключается в том, что его работа основана на концепции справедливой меритократии Д. Белла. Это прослеживается в утверждении относительно максимальной открытости креативного класса. Так, нивелирование значения процессов сегментации по полу, возрасту, расовой / этнической принадлежности, которое подразумевает меритократия [8. С. 156], позволяет представителям различных меньшинств включаться в креативный класс. Однако их концентрация в прекариате также оказывается высокой, а в креативных индустриях сохраняются различные формы неравенства, основанные на групповой принадлежности [9. С. 71].

В концепции Г. Стэндинга можно определить несколько классообразующих критериев: стабильность / нестабильность занятости, уровень дохода и профессиональную принадлежность. Причем выделенные критерии не явля-

ются универсальными, т.е. их нельзя применить ко всем классам. На основании профессиональной принадлежности объединен только пролетариат, а экономический критерий не позволяет выстроить иерархию по уровню получаемого дохода (профессионалы могут получать больше, чем представители salariата). Более того, на основании одного из важнейших для данной теории критерия – нестабильной занятости можно выделить сразу два класса: прекариат и профессионалов. Однако данные классовые образования не являются идентичными. Помимо уровня доходов, главным отличием класса профессионалов от прекариата является то, что его представители обладают невероятно высоко оцениваемыми в рамках рынка труда навыками, позволяющими им систематически, без длительных перерывов переходить от одного краткосрочного контракта к другому. В этом смысле класс профессионалов не является нестабильным, поскольку специфика его положения позволяет существенно компенсировать различные формы экономической и социальной небезопасности.

В контексте модели социальной структуры Г. Стэндинга представителей креативного класса, имеющих стабильную занятость, высокий уровень дохода и социальные гарантии (пенсии, пособия, льготы, в том числе от предприятий), можно отнести к salariату. Но не все представители креативного класса имеют стабильную занятость, часть из них балансирует между проектами и профессиональными должностями и не нуждается в долгосрочных трудовых контрактах. Это расхождение между двумя группами креативного класса отмечает и сам Р. Флорида: одни ценят стабильность выше, чем заработную плату, другие предпочитают гарантиям занятости высокий риск и сами стремятся к смене места работы [5. С. 207]. Более того, он выделяет IT-специалистов в качестве наиболее стабильного в плане гарантий занятости сегмента креативного класса [Там же. С. 84]. Поэтому невозможно отнести абсолютно всех работников креативных индустрий с нестабильной занятостью к классу профессионалов (хотя часть из них, безусловно, ему соответствует).

Главная черта данного класса, как уже это было отмечено, не просто принадлежность к профессии (в том числе вписывающейся в классификацию креативных), а обладание навыками, которые в контексте экономической ситуации являются высоко востребуемыми. А поскольку креативные индустрии являются одной из отраслей капиталистической экономики и функционируют в соответствии с логикой рынка, в них прослеживаются тенденции сегментации на менее и более оплачиваемые и, соответственно, востребованные области. Так, наиболее состоятельная часть креативных специалистов сосредотачиваются в областях бизнеса, финансов, государственного управления и элитного образования, в то время как сферы, связанные с воспитанием, образованием, искусством и социальной рекреацией, так и остаются наименее финансируемыми, а креативные специалисты в них вынуждены работать за символическую плату [10. С. 200].

На основании учета данных тенденций Р. Флорида внес существенные изменения в свою концепцию. Теперь, чтобы быть включенным в креативный класс, необходимо не только обладать определенной квалификацией, знаниями или быть креативным, необходимо также, чтобы рынок труда был готов заплатить за такие умения [11. С. 328]. Получается, что часть креатив-

ных специалистов, представленная индивидами, имеющими нестабильную занятость, низкий уровень дохода и невостребованные на рынке труда навыки, не может быть отнесена ни к сальариату, ни к классу профессионалов, ни даже к креативному классу в чистом виде. Таким образом, выявляется социальная группа, формирование которой не было отражено ни в теории Г. Стэндинга, ни в теории Р. Флориды.

Увеличение численности работников в креативных индустриях сопровождается ростом нестабильной занятости в них [12. С. 54]. Как отмечает в своей критике концепции Р. Флориды В. Мартыанов, неблагоприятные экономические эффекты могут приводить к тому, что члены креативного класса (за исключением привилегированных меньшинств), начинают примыкать к прекариату [13. С. 49]. Соответственно, процессы прекариатизации не ограничиваются узкими профессиональными группами и начинают непосредственно затрагивать работников креативного труда, что позволяет говорить о появлении новой социальной группы – креативного прекариата. Поскольку представители данной социальной группы обладают одновременно как чертами креативного класса (профессиональная принадлежность, высокий уровень образования), так и чертами прекариата (нестабильная занятость, отсутствие социальных гарантий, низкий уровень дохода), ее необходимо рассматривать в контексте синтеза теории Г. Стэндинга и Р. Флориды. Зарубежные исследователи также выдвигают концепцию креативного прекариата, относя к нему работников всех творческих индустрий с нестабильной занятостью: самозанятых, фрилансеров, стажеров и работающих на краткосрочных контрактах [14. С. 208]. Данный подход построен исключительно на определении прекариата и не учитывает модель социальной структуры, предложенной Г. Стэндингом. Это закономерно приводит к игнорированию дифференциации между креативным прекариатом и креативными профессионалами, а также феномена внутривнутрипрофессиональной стратификации. Поэтому если формирование новой социальной группы не вызывает сомнения у большинства исследователей, то вопрос относительно теоретических оснований для ее выделения является спорным.

В мировой научно-исследовательской практике уже сложилась традиция выделения и анализа различных групп прекариата: молодежный, женский, этнический и т.д. Помимо классовой принадлежности, каждую из подгрупп объединяет общий социальный признак, наличие которого непосредственно влияет как на пути попадания в прекариат, так и на последствия нахождения в нем. В случае с креативным прекариатом в качестве такого социального признака выступает профессиональная принадлежность. На первый взгляд эта отличительная особенность противоречит теории Г. Стэндинга. Ведь все три подгруппы прекариата выделяются им вовсе не на основании рода занятий, а отсутствие надежной профессиональной идентичности выступает в качестве одной из главных характеристик нового класса. Но при этом сам Г. Стэндинг неоднократно отмечал возможность дальнейшего развития своей теории. Ведь динамичность и интенсивное распространение процессов прекариатизации в конечном счете приведут к включению в прекариат новых социальных групп. Кроме того, подразумевается не отсутствие профессиональной идентичности как таковой, поскольку некоторые представители прекариата имеют определенную квалификацию и даже соответствующую

должность [2. С. 25]. Для прояснения данного положения необходимо обратиться к теории профессиональной идентичности, согласно которой выделяется ее личностный аспект (отождествление себя с определенной профессией, например «я-врач») и социальный аспект (взаимодействие с представителями определенной профессии) [15. С. 50]. Представители прекариата в большей степени ощущают слабость именно социального аспекта профессиональной идентичности. Ведь прекарный статус не только отделяет их от остальных работников определенной сферы деятельности (особенно это относится к занятым дистанционно), препятствуя формированию сильных связей, но и приводит к ограничению прав, связанных с профессией (отсутствие доступа к пособиям, не связанным с получением заработной платы). С другой стороны, личностный аспект профессиональной идентичности также нестабилен, поскольку представители прекариата часто вынуждены менять место работы, переходить из одного сектора в другой. Таким образом, включение в данный класс увеличивает вероятность потери профессиональной идентичности.

Необходимость рассмотрения креативного прекариата в контексте теории Р. Флориды обусловлена тем, что он выявил специфические черты работников креативных индустрий, которые в скальвающейся ситуации становятся причинами их попадания и закрепления в прекариате. Для креативных работников характерна специфическая мотивация к труду – на первом месте работа ради творчества и самоудовлетворения [16. С. 6]. Именно эта приверженность постматериальным ценностям становится объектом эксплуатации и приводит к формированию культуры бесплатной работы в креативных индустриях. Представители креативного прекариата в таких областях, как СМИ, искусство и индустрия культуры, часто сталкиваются с проблемой неоплачиваемого труда, которая связана со специфическими ожиданиями работодателей [17. С. 15]. Идея о том, что работа в творческих коллективах сама по себе является вознаграждением и привилегией, рождает ситуацию, когда вопросы об оплате рассматриваются как отсутствие приверженности проекту и негативно влияют на репутацию индивида. Креативные специалисты попадают в ловушку «страсти», когда из-за сильной привязанности к творческой деятельности и собственной креативной идентичности выражают готовность работать бесплатно или за символическую плату [18. С. 494]. Данный феномен тесно связан с ловушкой прекарности, высокой вероятностью деквалификации и статусным диссонансом. Это ситуация, когда индивид больше не может полагаться на социальный или экономический капитал и вынужден выбирать между совмещением своей творческой деятельности (в случае если она неоплачиваемая либо низкооплачиваемая) с другой работой, приносящей доход, либо уходить из креативной индустрии вообще. Однако поскольку выбор второго варианта совмещен с потерей профессиональной идентичности, многие креативные специалисты вынуждены брать дополнительную нагрузку.

Некоторые авторы в качестве главной причины попадания в прекариат выдвигают неприспособленность к новой экономической ситуации [19. С. 77]. По отношению к креативному прекариату данная позиция верна только в случае, если рассматривать неадаптированность не как отсутствие возможности / способности получить образование, навыки, квалификацию или оперировать информацией, а как несоответствие мотивационных установок

индивида к труду экономическим реалиям. Приспособленность может рассматриваться как выбор сферы деятельности или профессии исходя из уровня вознаграждения, а не личных предпочтений (стремление к творческому труду). И если основной причиной вытеснения рабочего класса в прекариат является автоматизация производства, то причиной вытеснения представителей креативного класса или потенциальных его членов в прекариат служат статусный диссонанс и мотивация к труду. Это демонстрирует парадоксальность ситуации транзита, когда постматериальные ценности формируются в условиях невысокого качества жизни и становятся препятствием социальной успешности.

Таким образом, Р. Флорида и Г. Стэндинг по-разному оценивают складывающийся социальный порядок, в котором изменчивость и неопределенность становятся новой нормой трудовой жизни. Они описывают разные аспекты социальной реальности и разные, но взаимосвязанные процессы возрастания креативности и усиления нестабильности, в результате актуализации которых возникает креативный прекариат. Его появление выступает одним из препятствий для формирования той социальной реальности, становление которой прогнозировал Р. Флорида. Ведь возрастание доли креативной деятельности не привело к меритократии, поскольку наличие творческих способностей и высокого уровня образования не обеспечивает ни гарантий занятости, ни высокого дохода.

Литература

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика – XXI, 2007. 421 с.
2. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем, 2014. 328 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Standing G. A Precariat Charter, From Denizens to Citizens. London: Bloomsbury Academic, 2014. P. 320.
5. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 420 с.
6. Healy K. What's New for Culture in the New Economy? // Journal of Arts Management, Law, and Society, 32. 2002. P. 86–103.
7. Боровская М.А., Масыч М.А., Шевченко И.К. Эффективный контракт в системе стимулирования научно-педагогических работников // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 13–20.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М. : Академия, 2004. 788 с.
9. Gill R. Cool, creative and egalitarian? Exploring gender in project-based new media work // Information and Communication Studies 5(1). 2002. P. 70–89.
10. Бузгалин А.В. Так что же такое постиндустриальный капитализм? // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 191–204.
11. Mellander C., Florida R. The Rise of Skills: Human Capital, the Creative Class and Regional Development // Handbook of Regional Science, Springer. 2014. P. 317–329.
12. Cunningham S. Creative industries, its critics, and some answers // Ekonomiaz, 78(3). 2011. P. 47–60.
13. Мартыанов В. Креативный класс – креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 10. С. 41–51.
14. Hawkins H. Creativity (Key Ideas in Geography). London : Routledge, 2016. P. 408.
15. Гашимова С.С. Профессиональная идентичность и профессиональное самоопределение личности // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управ-

ления: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 49–53.

16. Sternberg R.J. The Assessment of Creativity: An Investment-Based Approach // *Creativity Research Journal*, 24. 2012. P. 3–12.

17. Gill R. Academics, Cultural Workers and Critical Labour Studies // *Journal of Cultural Economy*, 7:1. 2014. P. 12–30.

18. Armano E., Murgia A. The precariousnesses of young knowledge workers: a subject-oriented approach // *Global Discourse*. 2013. Vol. 3. P. 486–501.

19. Демидова М.В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: философский подход // *Известия Томского политехнического университета. Социально-гуманитарные технологии*. 2014. Т. 325, № 6. С. 75–80.

Anastasiia V. Slobodskaja, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sloboda91@sibmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 42. pp. 51–59.

DOI: 10.17223/1998863X/42/5

THE PRECARIAT AND THE CREATIVE CLASS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOCIAL STRUCTURE PATTERNS OF A POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Keywords: social structure; precariat; creative class; creative precariat; post-industrial society.

This article first compares Richard Florida's theory of the creative class and Guy Standing's theory of the precariat. Attention is focused on the inconsistency of the grounds for social stratification in these theories. Their authors consider different, but interrelated processes of transformation of the sphere of labor. As a result of the synthesis of the social structure models, a social group was identified that corresponds simultaneously to both the precariat and the creative class. This social group, the creative precariat, is formed as a result of the internal segmentation of creative industries and the intensification of social and economic instability. The approach to its consideration existing in the scientific literature does not allow taking into account the dynamics of interprofessional stratification processes. The criticism of this approach convicting the creative precariat in the context of Florida's and Standing's theories needs analysis. On the basis of these theories synthesis, the specifics of the processes of the inclusion of creative industry workers in the new social group are revealed.

References

1. Florida, R. (2007) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow: Klassika – XXI.

2. Standing, G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Translated from English by N. Usov. Moscow: Ad Marginem.

3. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Translated from Spanish by O. Shkaratan, B. Verpakhovskiy, D. Tishchenko, A. Subochev, S. Tvorogova. Moscow: HSE.

4. Standing, G. (2014) *A Precariat Charter, From Denizens to Citizens*. London: Bloomsbury Academic.

5. Florida, R. (2016) *Kreativnyy klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushchee* [The Rise of The Creative Class. Revisited]. Translated from English by N. Yatsyuk. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

6. Healy, K. (2002) What's New for Culture in the New Economy? *Journal of Arts Management, Law, and Society*. 32. pp. 86–103. DOI: 10.1080/10632920209596967

7. Borovskaya, M.A., Masyh, M.A. & Shevchenko, I.K. (2013) Effektivnyy kontrakt v sisteme stimu-lirovaniya nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov [Effective contract in the system of perks of scientific and pedagogical workers]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 5. pp. 13–20.

8. Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society. An Venture in Social Forecasting]. Translated from English by V. Inozemtsev. Moscow: Akademiya.

9. Gill, R. (2002) Cool, creative and egalitarian? Exploring gender in project-based new media work. *Information and Communication Studies*. 5(1). pp. 70–89. DOI: 10.1080/13691180110117668

-
10. Buzgalin, A.V. (2007) Tak chto zhe takoe postindustrial'nyy kapitalizm? [What is post-industrial capitalism?]. *Svobodnaya mysl'*. 4. pp. 191–204.
 11. Mellander, C., Florida, R. (2014) The Rise of Skills: Human Capital, the Creative Class, and Regional Development. In: Fischer, M. & Nijkamp, P. (eds) *Handbook of Regional Science*. Berlin, Heidelberg: Springer. pp. 317–329.
 12. Cunningham, S. (2011) Creative industries, its critics, and some answers. *Ekonomiaz*. 78(3). pp. 47–60.
 13. Martyanov, V. (2016) Creative Class – Creative City: Real Perspective or Utopia for the Few? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 60(10). pp. 41–51. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-10-41-51
 14. Hawkins, H. (2016) *Creativity (Key Ideas in Geography)*. London: Routledge.
 15. Gashimova, C.C. (2014) [Professional identity and professional self-determination of personality]. *Aktual'nye problemy sotsiologii molodezhi, kul'tury, obrazovaniya i upravleniya* [Topical Problems of the Sociology of Youth, Culture, Education and Management]. Proc. of the All-Russian Conference. Ekaterinburg. February 28, 2014. Vol. 1. Ekaterinburg: Ural Federal University. pp. 49–53. (In Russian).
 16. Sternberg, R.J. (2012) The Assessment of Creativity: An Investment-Based Approach. *Creativity Research Journal*. 24. pp. 3–12. DOI: 10.1080/10400419.2012.652925
 17. Gill, R. (2014) Academics, Cultural Workers and Critical Labour Studies. *Journal of Cultural Economy*. 7(1). pp. 12–30. DOI: 10.1080/17530350.2013.861763
 18. Armano, E. & Murgia, A. (2013) The precariousnesses of young knowledge workers: a subject-oriented approach. *Global Discourse*. 3. pp. 486–501. DOI: 10.1080/23269995.2013.865313
 19. Demidova, M.V. (2014) Social stratification under conditions of symbolic capitalism: philosophical approach. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii – Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Humanities and Social Sciences Technologies*. 325(6). pp. 75–80. (In Russian).